

ющей что-то невразумительное, одна из пожилых телезрительниц упала в обморок, за что впоследствии пыталась подать на певицу в суд...

С Элдоном Бьорк прожила четыре года – в среде исландской молодежи это до сих пор воспринимается как рекорд.

К своей личной жизни Бьорк относится без надрыда. Большинство ее любовников – музыканты. Впрочем, певица утверждает, что «написать с мужчиной песню гораздо эротичнее, чем переспать с ним». Ее нынешний приятель – американский кинорежиссер и художник Мэттью Барни, стал отцом ее дочери Изадоры, родившейся спустя 15 лет после сына Синдри.

К детям и к музыке певица относится куда серьезнее, чем к мужчинам. Детей она берет с собой почти во все гастрольные поездки. Будучи второй раз беременной и записывая свой последний альбом «Medulla» («Костный мозг»), Бьорк очень переживала, что ее девочке придется выслушивать песни, еще не познакомившись с самой исполнительницей. Чуть позже главным условием приезда Бьорк в Москву стала установка специального детского сидения внутри вполне скромного автомобиля.

А музыка? По утверждению певицы, она живет в мире звуков, на 70 процентов воспринимая мир ушами. «Ты просыпаешься утром и – это вопрос жизни и смерти – должна найти песню, которая сделает этот день. У каждого есть страсть. Моя страсть – музыка».

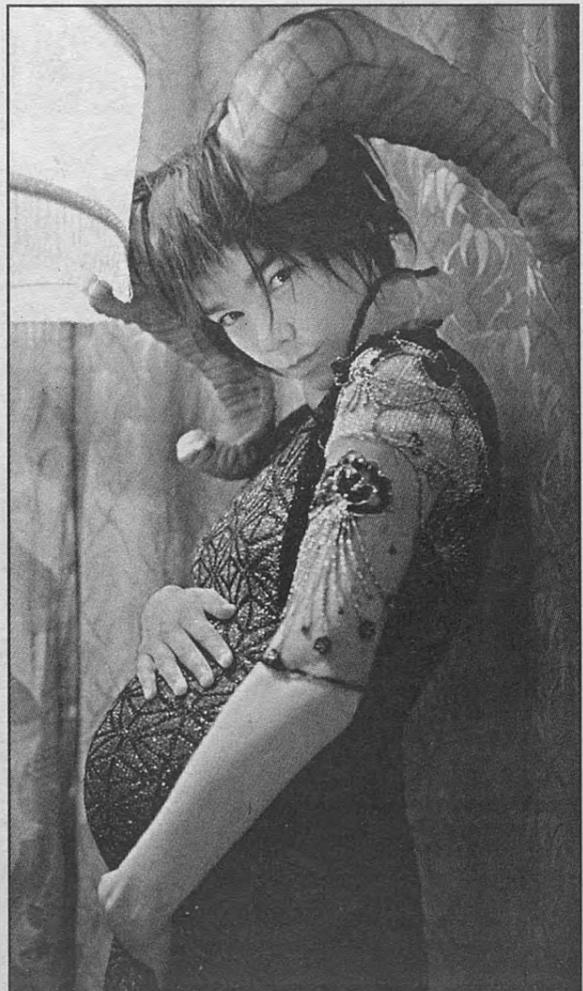
В 1983 году Бьорк организовала группу Kukl («Черная магия»), до комплиментов которой снизошел сам Дэвид Боуи. Потом – скандальную Тарри Тикагасс («Затычка в сучьей заднице»), а уже после – Sugarcubes («Куски сахара»), песня которой удалось перебраться за море и завоевать Англию с Америкой. В 1993-м Бьорк записывает сольный джазовый альбом и переезжает в Лондон. «Маниакальная целеустремленность и фанатичная преданность музыке» – именно так можно характеризовать Бьорк, составляя ее досье.

Впрочем, на сцене и в общении с журналистами певица по-прежнему напоминает не целеустремленного сухаря, а легкокрылого эльфа. «Когда-нибудь, – рассказывает она своим мяукающим голосом, – ученые научно установят то, что мне давно уже прекрасно известно: человеческая душа имеет форму скрипичной струны. У вас ведь бегут мурашки по коже, когда вы слышите дальний голос скрипки? Нет? Странно. У меня – всегда...»

СТРАНА СЛЕПЫХ

Однажды Ларс фон Триер увидел по телевизору клип ее песни It's Oh So Quiet, после чего целый год уговаривал певицу сыграть главную роль в своем новом фильме. По другой версии, уговаривала Триера как раз сама Бьорк, посмотревшая его ленту «Рассекая волны». Как бы то ни было, целых восемнадцать месяцев она пишет «Песни Сельмы» – музыку к фильму. По сценарию, чешская эмигрантка Сельма страдает наследственной болезнью глаз. Почти слепая, она работает на американской жестяной фабрике, пытается накопить деньги на операцию, которая спасет зрение ее сыну. Отрада героини – самодеятельный музыкальный театр, в котором замухрышка Сельма исполняет все главные роли, блаженно купаясь в музыке – ведь звуки не надо видеть.

Сочиняя песни Сельмы, Бьорк настолько сжилась со своей героиней, что стала оскорбляться, когда Триер позволял себе называть Сельму глупой и недалекой. Страшным ударом для певицы стало решение режиссера не включать в фильм добрую половину из написанных ею песен. «Я чувствовала себя так, словно он – Наполеон, а я – Пеппи Длинныйчулок», – вспоминает Бьорк. От их споров и крутого нрава исландки стонали все участники съемок. Ходят слухи, что однажды Бьорк в бешенстве даже позволила себе ударить знаменитую Катрин Денев. Правда, Денев вспоминает о тех днях весьма снисходи-

тельно: «Исландская поп-королева была травмирована самим процессом кинопроизводства. Ей понадобится лет десять, чтобы оклематься и сказать что-нибудь вразумительное. Она не умеет играть – она умеет просто быть».

Этот воинствующий непрофессионализм, помноженный на странную, полудетскую внешность исполнительницы, придал фильму эффект документальности. Когда Сельма снимала очки и, глядя мимо адвоката, сообщала, что отказывается от прошения о помиловании (оно стоило тех денег, которые были отложены на операцию сына!), кинозал любой страны мира дружно заливался слезами, не утихавшими до самого финала. По количеству пролитых слез «Танцующая в темноте» стала абсо-

лютным и непревзойденным лидером. Что же касается Бьорк, то импульсивная певица оклемалась куда быстрее, чем предполагала Денев – сразу после церемонии вручения «Оскара», где она появилась в кукольном розовом платьице и чулочках, заставивших вздрогнуть сильную половину человечества. «Точными ножками Бьорк дефилировала не по знаменитой лестнице, а по миллионному мужских сердец», – написал один из критиков.

РАДОСТЬ КИСЛОРОДА

Всю жизнь Бьорк буквально одержима творчеством. Если в какой-то момент она не пишет музыку – значит, увлеклась сочинением нового стихотворения. Подобно Сельме, она живет

в мире звуков, ее слух обострен, а легкие увеличены. «Я начала петь раньше, чем говорить. У покоящих людей легкие очень большие. Когда ты дышишь, поглощаешь кислород, наступает экстаз. Петь – ощущать радость кислорода».

Всего остального для Бьорк просто не существует. Именно этим объясняются ее многочисленные причуды – не то чтобы она не считалась с чужим мнением или не любила запретов – она их просто не замечает. С журналистами держится дружелюбно, но только до тех пор, пока не задают вопросы о детях – тут может дойти до рукоприкладства. В быту достаточно аскетична. Любит очень острую еду и очень сладкие пирожные.

Московских журналистов она огорошила сообщением, что с 17-и

лет мечтает написать музыку к бульгаковскому «Мастеру и Маргарите». Журналисты предостерегли ее от этого, рассказав о мистическом ореоле книги. «Это подстегивает меня еще больше», – заявила Бьорк.

Ее единственная татуировка – компас на левом плече – старинный символ викингов. «Это чтобы не потеряться», – объясняет певица.

Последние годы она живет в своем лондонском доме. Несколько лет назад к ней забрались воры. По официальной версии, Бьорк (и это при ее повышенном слухе!) умудрилась проспать ограбление собственного дома. Ерунда! Я уверена: в ту ночь она сочиняла музыку, как всегда, легко перемещаясь в пространстве и времени. ■

